

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

ГУМАНИТАРИИ В «НЕГУМАНИТАРНОМ» МИРЕ (к положению наук о человеке, культуре и обществе в современной России)

Д.Г. Подвойский

Кафедра социологии
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

В статье предпринята попытка описания ситуации, характеризующей положение социальных и гуманитарных наук в современном российском обществе. Рассматривается вопрос об отношении к носителям «гуманитарной учености» в общественном сознании различных эпох, статусе «гуманитариев» в конкретных, постоянно изменяющихся социально-исторических контекстах. Высвечиваются мотивы противостояния «специфически гуманитарного» и «инструментально-технократического» культурных паттернов, формирующих (легитимирующих) несходные модели мироориентации и стратегии социальных практик.

Ключевые слова: социальные и гуманитарные науки; социальный базис науки в традиционных и современных обществах; имидж естественных и гуманитарных наук в массовом сознании; технократизм и его ценностные установки; история советской повседневности; идеологизация общественнознания; социально-гуманитарный компонент в структуре среднего образования; отношения науки и государства; ресентимент; гендерное измерение оппозиции «гуманитарий—технократ»; перспективы развития российских социально-гуманитарных наук в постперестроечный период; дисциплинарный сепаратизм; гуманитарный «квазиренессанс»; преодоление отставания и догоняющее развитие; освоение собственной национальной научной традиции; консолидация интеллектуальных сил.

Некоторые современные российские гуманитарии не без основания сетуют, что им довелось жить и работать в «негуманитарную» эпоху [3]. Вопрос о том, бывают ли времена, которые пришлось бы по душе представителям этой «требовательной» прослойки (причем не постфактум, а в настоящем), остается открытым, и на него едва ли имеет смысл искать конкретный ответ. Другое дело, что подобные оценки являются индикатором особого рода проблемы: в отношениях между гуманитариями и обществом существует некоторая степень «взаимонепонимания». Общество, конечно, из-за этого (субъективно) не сильно страдает, а вот гуманитарии — наоборот. Они ощущают свою невостребованность, переживают ее более или менее болезненно, находя различные объяснения складывающейся

ситуации, используемые ими обычно в качестве своеобразного психологического «фактора успокоения».

И дело здесь не столько в том, что работники гуманитарных профессий получают за свой труд явно недостаточное материальное вознаграждение, но скорее в том, что труд их очень *мало ценится* (в широком символическом смысле). Группа, производящая «духовный капитал», «живущая не хлебом единым», могла бы мириться с первым, но никак не со вторым. Поэтому человеку нужно иметь очень сильные мотивации, чтобы выбирать профессию или оставаться в ней, если общество обделяет ее не только экономически, но и по части «престижа». Кому нужны гуманитарии (кроме самих себя)? Какую пользу они могут принести обществу? Почему спрос на их деятельность сегодня столь низок? Все эти (и подобные им) вопросы, конечно, располагают к эмоциональной реакции. Однако поиск конструктивных ответов на них необходим. Такой поиск является формой профессиональной и мировоззренческой рефлексии, предпосылкой выработки особой позиции, побуждающей человека относиться к своему делу как к сознательно избранному пути, имеющему смысл как для него лично, так и для его большого и малого окружения, его страны, эпохи и т.п.

***Первым делом — представление:
кто такие «гуманитарии» и чем они занимаются?***

Общественное сознание никогда не устанет создавать наивные «антропотипы». Они узнаваемы и схватывают в разнообразии людских черт нечто кажущееся «существенным». Таковы «новый русский», «старый еврей», гламурная барышня — «блондинка», продавец хурмы и мандаринов на рынке, милиционер, сантехник и т.д. Дискурс хрущевской оттепели породил знаменитую антиномию «физики и лирики». Эти идеально типически противопоставляемые образы в реальности постоянно пересекались, причем область их пересечения, характеризовавшая в известной мере раздвоенность ценностной картины мира послевоенной советской интеллигенции, была статистически значительной. Геолог-землепроходец с киркой и гитарой за спиной стал героем целого поколения. Данная среда произвела оригинальные феномены самодеятельной песни и увлечения палаточным туризмом, без которых невозможно представить себе культуру эпохи позднего социализма.

Вариацией на тему «физики и лирики» стала впоследствии оппозиция «технар — гуманитарий», особенно в образовательной сфере, поскольку именно в этих общих понятиях родители и педагоги оценивали способности молодых людей, достигших возраста активной профориентации. Технар обычно определялся как человек деловой и деятельный, практичный, точный и аккуратный, обеими ногами стоящий на земле, прозаический, ориентированный на контакт с материальным миром в целях его рационального преобразования. Гуманитарий представлялся как персонаж, витающий в облаках, задумчивый или мечтательный, не приспособленный к жизни (в материально-утилитарном плане), не способный забить гвоздь и починить кран, иногда восторженный и пафосный, умеющий говорить красиво, но непонятно, часто непоследовательный, безответственный и ненадежный в от-

ношениях. Разумеется, списки черт обозначенных типов могли бы быть существенно расширены, причем в обоих случаях — при помощи языковых конструкторов, несущих как положительную, так и отрицательную коннотацию. Конечно, любой человек, использовавший в своей повседневной жизни данные типизации, понимал (или, точнее, ощущал), что они суть лишь пограничные точки протяженного континуума, между которыми располагается большое разнообразие промежуточных форм. Но все же «типичный гуманитарий» в обыденном сознании позднесоветского и постсоветского времени обычно характеризовался (и продолжает характеризоваться) как субъект в высшей степени странный и своеобразный. И этот образ воображаемого гуманитария как дюркгеймовский социальный факт довлеет над живым, эмпирическим гуманитарием, оказывая влияние на его мироощущение и профессиональную идентичность постольку, поскольку на его персону проецируются определенные коллективные представления и связанные с ними ожидания. Он вынужден смотреться в них, независимо от того, нравится ли ему изображение, как в собственное зеркальное Я.

Но кем же является эмпирический гуманитарий и чем он отличается от прочих людей? Здесь мы опять попадаем в плен языка повседневности, навязывающего нам определенное толкование смысла тех или иных слов. Часто смысл этот оказывается слишком широким, размытым, да еще и контекстуально изменчивым. Иностранная внешность самого понятия не проясняет ситуации: слово «гуманитарий» на поверку оказывается столь же самобытно русским, как и слово «интеллигент». Тут, вероятно, требуется терминологический комментарий, напоминающий, впрочем, о хорошо известных вещах.

Прилагательное «гуманитарный» (в отличие от прилагательного «гуманистический» (1)) в европейских языках употребляется обычно в «специфически этическом» значении, как, например, в словосочетаниях «гуманитарная помощь», «гуманитарная катастрофа», «гуманитарная миссия» и т.п. Российский же оборот «гуманитарные науки», будучи переведенным буквально на западные языки, выглядел бы несколько курьезно. И дело не только в том, что ученые по роду своей деятельности не занимаются раздачей одежды и продовольствия нуждающимся собратьям по разуму (хотя и могут это делать в свободное от основной работы время). Важнее другое: слово *science* (как в английской, так и во французской культурно-лингвистической среде) применяется главным образом для описания исследовательских практик естественных и точных наук, т.е. того, что Кант называл «чистым разумом». Иначе говоря, западные эквиваленты слова «наука» уже содержат в себе «невывыказанное, но подразумеваемое» дополнение — [*о природе*]. *Scientist* есть почти то же самое, что *naturalist*, т.е. ученый-естествоиспытатель, эдакий стерильный «физик», бегающий с линейкой, смешивающий растворы, управляющий сложным прибором, смотрящий в телескоп или микроскоп, измеряющий, считающий, фиксирующий результаты, выводящий «железные законы».

Но безраздельная власть подобного стиля мышления заканчивается на биологии. Далее открывается иная область, в которой на передний план выступает человек как существо, наделенное сознанием и волей, человек как «творец куль-

туры». Эта сфера в британской образовательной традиции четко отделяется даже в наименованиях ученых степеней: Master of (Liberal) Arts (2) не то же, что Master of Science. Для ее обозначения существуют другие слова, например, humanities («гуманитарное знание» в узком смысле), scholarship, ассоциирующееся скорее с общей образованностью, «начитанностью», эрудицией, ученостью. Ее важнейшими дисциплинарными составляющими являются философия, история (в том числе история искусства), «словесность» (lettre).

Правда, победоносное шествие методологического натурализма в XVIII и XIX столетиях произвело на свет третий промежуточный тип «наук», что-то среднее между жесткими sciences и расплывчатыми arts. В это время возникают социальные и поведенческие (behavioral) науки, — те, которые ни один британский или американский студент не рискнет отнести в качестве подраздела к одной из двух выше обозначенных сфер. К данной области обычно относят психологию, социологию, экономику, (культурную или социальную) антропологию, политическую науку. Причем выделение перечисленной группы дисциплин в отдельный класс характерно именно для англосаксонских стран, где идея возможности строгого, объективного изучения человека и общественных отношений пустила особенно глубокие корни. В других национально-региональных интеллектуальных традициях (и прежде всего в континентальной Европе) подобное отмежевание до сих пор оставалось проблематичным, поскольку доминирующее здесь представление о своеобразии духовной и социальной жизни никогда не позволяло общественным наукам и психологии удаляться слишком далеко от их материнской «гуманитарной обители». В этом смысле немецкий термин Geisteswissenschaften («науки о духе») достаточно точно иллюстрирует ориентацию на предметно и методологически фундированное единство всех специализированных эмпирических областей знания, занимающихся исследованием психических, социальных, культурных и исторических феноменов.

Здесь не имеет особого значения решение вопроса: можно ли называть науки о социальном и культурном мирах науками в строгом смысле слова или нет. Достаточно будет признания их «особости», специфичности в сравнении с моделью науки, построенной по образцу математизированного естествознания.

В России складывалась ситуация во многом похожая на немецкую. У нас также науки о человеке и обществе развивались в едином когнитивном потоке. Здесь сказывалось как влияние ближайшего «цивилизованного соседа», откуда дворянские юноши привозили «учености плоды», так и некоторые черты собственной нарождающейся научной традиции. Но если до революции «нерушимый союз» гуманитарного и социального знания фактически легитимировался попечительской мудростью первого и незрелостью второго, то после нее характер отношений поменялся (хотя сам альянс сохранился). В советский период интеллектуальной истории нашей страны общественная нота в исследованиях по известным причинам возобладала, а гуманитарии «несоциальной ориентации», ощутившие свою идейную чуждость режиму и настроениям масс, погрузили головы в песок, заняв при этом позу молчаливо-индифферентной податливости.

Сегодня российские гуманитарии и обществоведы по-прежнему вместе. Они чувствуют духовную близость, подкрепляемую к тому же равнодушием к их занятиям и интересам со стороны внешнего окружения. В контексте предпринятого здесь анализа они могут быть рассмотрены как единая группа, поэтому в дальнейшем при употреблении слова «гуманитарии» мы будем иметь в виду по умолчанию также и относимых к данной категории представителей социальных наук (пожалуй, за исключением некоторых практически востребованных разделов экономики).

Конечно, ученые, изучающие различные социальные и культурные проблемы, а также преподаватели определенного круга дисциплин — это лишь «внутреннее ядро» гуманитарного сообщества, часто скрытое от глаза постороннего. Но у данного сообщества есть еще и толща, и периферия, иногда более заметные со стороны. Ведь корпус гуманитарных знаний включает в себя не только гуманитарные науки, но и — причем для большинства людей даже в первую очередь — общую гуманитарную культуру. Эту последнюю создают писатели, «люди искусства» и искусствоведы, музейная и выставочная среда, публицисты, журналисты-аналитики, литературные, театральные, арт-критики и кинокритики. Все они тоже гуманитарии, вовлечены в гуманитарный дискурс, хотя в гуманитарных науках могут разбираться слабо. Но они предлагают свой интеллектуальный продукт массовой аудитории и тем самым формируют имидж гуманитарного стиля мышления в обществе. Наконец, периферийным и, вероятно, самым многочисленным слоем сообщества гуманитариев является гуманитарно ориентированная публика, регулярно или спорадически, по желанию или необходимости потребляющая гуманитарные знания (люди, получающие соответствующее образование или получившие его в прошлом, но не работающие по специальности, действительные или мнимые поклонники интеллектуальной литературы и т.д.).

Фигура гуманитария в обществе:

историко-культурные и структурно-функциональные рамки анализа проблемы

То, что занятия ученых-гуманитариев не вызывают понимания общества, само по себе ничуть не удивительно. Гуманитарии и обществоведы, считающие себя знатоками человеческой природы и кухни социального взаимодействия, должны быть готовы к принятию данного положения вещей как своего рода неизбежности. Область познания, а тем более познания философского и социально-гуманитарного, во всех известных нам обществах воспринималась как роскошь, или как прихоть (в зависимости от позитивной или негативной оценки данной сферы). Большинство людей в любую эпоху «по жизни» вовлечено в круговорот повседневности, и у них не хватает ни времени, ни сил, ни мотивации для серьезных размышлений о самих себе, окружающих, культурных и исторических событиях и т.п. Тем более, говоря языком феноменологов, они имеют знания первого порядка, и их им вполне хватает. Они и так знают все, что им нужно знать: кто хороший, кто плохой, кто умный, кто дурак, что нужно делать, как себя вести в тех или иных ситуациях по отношению к другим.

Но, с другой стороны, человек есть существо «избыточное», стремящееся к роскоши (в том числе интеллектуальной) и желающее ей обладать. Если верить старику Маслоу, такие потребности должны актуализироваться у людей лишь при условии успешного удовлетворения более примитивных нужд. И до известной степени с этим можно согласиться. Гуманитарная ученость расцветала везде, где для этого существовали социальные и экономические предпосылки — богатство и, как следствие, досуг. В традиционных обществах с жесткой стратификационной системой блага культуры и образованности были почти недоступны для представителей низших классов, сословий и каст. Только элита могла позволить себе потреблять высшие ценности, содержа у себя во дворцах философов и гуманистов как забавных и беззащитных декоративных собачек. Биографии великих людей, преуспевших на интеллектуальной ниве, почти всегда показательны: известный мыслитель либо сам был представителем привилегированной группы, либо находился под патронажем тех или иных спонсоров — как частных лиц, так и институтов (например, монастырей). Впоследствии на Западе появилась достаточно обширная прослойка не чуждой гуманитарной учености буржуазии, которая с пониманием относилась к стремлению собственных детей (желательно не всех) посвятить свою жизнь науке. Семейный бизнес мог приходить в упадок, но на его благодатной почве выросло и приумножалось богатство иного рода. И еще один существенный момент: элитарные группы повсеместно использовали символический ресурс высокой гуманитарной культуры в качестве маркера, выделяющего их из прочих людей (простонародья, подлого сословия, плебса, охлоса, сброда, черни). С точки зрения потребностей доминирующих слоев в формировании собственной идентичности, статусной легитимации и поддержании межгрупповых границ это было очень важно, и хотя бы только за одно это имело смысл кормить «бесполезных философов».

В индустриальных, массовых обществах картина хотя и меняется, но только отчасти. Образование и высокая культура становятся потенциально общедоступными, а групповые границы — менее выраженными. Появляется тип различного умника, бедного студента и лишенного надежных средств к существованию ученого и мыслителя: «Ты можешь прочесть тысячу книг, но это, вероятно, не поможет тебе в решении вопроса, что ты завтра будешь кушать...» Ограниченность спроса на услуги знатоков социокультурных проблем сохраняется: они по-прежнему мало кому нужны в мире превалирующих материально-утилитарных ценностей. А предложение, напротив, растет, поскольку университеты производят все более значительное количество специалистов в области постоянно дифференцирующихся социально-гуманитарных наук.

В культурном отношении произошли значимые сдвиги. Современное общество, особенно в XX в., когда начинаются разговоры о постиндустриальной фазе социальной эволюции, продолжает утверждать себя в различных сферах жизни именно как общество *знания*. Означает ли это, что люди стали глубокомысленнее, проницательнее, что они стали лучше понимать себя и других? Ничуть нет. Основное, в чем они преуспели, — это способность контролировать явления окружающей материальной действительности. Они постигли законы природы, поставив ее себе на службу, но в самих себе лучше разбираться не стали, т.е. прак-

тически востребованный прогресс знания в обществах модерна распространялся главным образом на область естественных наук и их технических приложений.

Естественные науки обладают в сознании современного человека почти непререкаемым авторитетом. Но почему? Потому ли, что его приводит в восторг «полет мысли», «стремление и способность разума к освоению новых горизонтов»? Скорее всего, его восхищает другое — не научный поиск, воображение или фантазия ученого, но конкретные утилитарные результаты всего этого: что можно передавать звук и изображение на расстоянии, готовить пищу, не разжигая огня, передвигаться в пространстве с невероятными по меркам пешехода скоростями и т.п. Современный человек может не разбираться в науке, но он доверяет ей, потому что она помогает удовлетворять актуальные для него потребности. Творцы новоевропейского естествознания и идеологи сциентизма, начиная с Ф. Бэкона, не отрицали этой практической целевой ориентации научного знания, но она была для них не единственной и не понималась столь вульгарно. «Естественные науки, — пишет Макс Вебер, — считают само собой разумеющимся, что высшие законы космических явлений, конструируемые наукой, стоят того, чтобы их знать. Не только потому, что с помощью такого знания можно достигнуть технических успехов, но и „ради него самого“ — если наука есть „призвание“» [1]. Приносить пользу людям, делать их более приспособленными, освобождать от страха перед стихиями, продлевать жизнь — все это очень благородно. Хотя стремление к открытию тайн мироздания, воплощающихся, например, в законах механики или физиологии, в глазах ученого едва ли могло быть оправдано исключительно заботой о том, чтобы какой-нибудь обыватель, потянувшийся за бутылкой пива, не упал со стула.

Так сциентизм в современных обществах перерождается в узко прагматический технизм или технократизм. Присущая человеку творческая страсть к познанию нового, пытливість ума оцениваются в лучшем случае как проявления непродуктивного, праздного любопытства. Знание поощряется лишь как подручное средство осуществляемого цивилизацией господства над миром вещей. Интеллектуальная деятельность фактически сводится к рассудку, инструментальной рациональности, умению не размышлять и ставить вопросы, но давать точные ответы, строить схемы и алгоритмы решения конкретных практических задач (3).

Понятно, что гуманитарии в условиях преобладания выше обозначенного стиля мышления должны были чувствовать себя белыми воронами. Тип знания, носителями которого они являются, не вписывается в структуры технократического миропонимания. Историки, искусствоведы, литературоведы и философы могли даже не пытаться соответствовать очерченному образцу. Обществоведы же и психологи прилагали немалые усилия по движению в данном направлении и даже добились на этом пути некоторых ограниченных успехов. Методологический натурализм, несомненно, подкупал своими достоинствами (строгостью и универсальностью выводов, непредвзятостью, объективностью) многих исследователей социальной жизни. Однако добиться результатов, сопоставимых с теми, которые были получены в естествознании, они все же не смогли. Степень (не)совершенства теории, описывающей такой сложный объект, как человеческое общество, не по-

зволюла заниматься эффективной «технологизацией» социальных процессов, по крайней мере, на том уровне, на котором в настоящее время контролируются и моделируются многие области физико-химических и биологических явлений. Попытки, конечно, имели место, но все они приводили к плачевному исходу. И рассчитывать на то, что подобная перспектива осуществится в будущем, к счастью, не приходится. Ведь такой итог означал бы полное торжество технократизма, превращающего любой фрагмент мироздания в вещь. Но так называемая человеческая свобода с ее способностью продуцировать непредвиденные последствия до сих пор оставляла амбициозных социальных инженеров, мечтающих о тотальной искусственной регуляции общественных отношений, в дураках.

Характерные примеры жизни и выживания гуманитариев в агрессивной среде современной технократической культуры можно почерпнуть из российской истории завершившегося XX столетия.

Российские гуманитарии в советскую и постсоветскую эпохи

Зрелое советское общество в культурном отношении представляло собой общество по преимуществу технократическое. О таком его характере можно с уверенностью говорить, по крайней мере начиная с эпохи индустриализации. Рынок промышленного развития был совершен в кратчайшие сроки, что оказалось возможным лишь благодаря мощнейшему потенциалу тотальной мобилизации масс. Народ был готов свернуть горы во имя «светлого будущего», «счастья грядущих поколений» и действительно сворачивал их. Культурными героями становятся не только рабочие, передовики производства, но и инженеры, а также люди, эксплуатирующие сложные технические устройства в новых (экстраординарных для тех лет), часто опасных для жизни условиях, например летчики. Валерий Чкалов, Георгий Байдуков и Александр Беляков, Анатолий Ляпидевский, Валентина Гризодубова, Полина Осипенко и Марина Раскова — эти имена по степени «овеянности славой» не уступали имени Алексея Стаханова.

Любой технократизм зиждется на активистской, властно-завоевательной установке, но советский технократизм сталинских времен особенно. Он был менее процедурно-операциональным (как технократизм протестантского типа), но более волевым, героическим. Другой его особенностью являлась коллективистская ориентация, в отличие индивидуалистической западной. Либеральные ценности личностной автономии воспринимались в этом контексте как совершенно неприемлемая душевная интенция. Счастье человека определялось через причастность целому, выражаясь в стремлении «ходить строем» и «петь хором». Рациональное преобразование материального мира также понималось как грандиозное и широкомасштабное предприятие, требующее всенародных усилий.

В общий тренд подобных веяний вписывалось также всеобщее увлечение спортом и физической культурой. Повсюду воспеваются динамические добродетели: «Ну-ка, солнце, ярче брызни / Золотыми лучами обжигай / Эй, товарищ! *Больше жизни!* / *Поспевай, не задерживай, шагай!*» Остановиться, задуматься невозможно — затопчут. Инженеров и летчиков, этих рыцарей социалистического модерна, как и загорелых мускулистых спортсменов, любят девушки (4). Декадентные юноши Серебряного века, худые и сутулые, с музыкальными пальцами,

бледным цветом лица и утомленными (или болезненно горящими) глазами, давно вышли из моды. В свою очередь, также типаж ученого, вдохновляемого чистой любознательностью, — эдакий книжный червяк, очкарик с протертыми локтями на пиджаке, не вылезавший из библиотеки или хранилища экспонатов, рассеянный и вырванный из общего течения практической жизни (Жак Паганель, или кузен Бенедикт, подслеповатый энтомолог из «Пятнадцатилетнего капитана») не являлся для большинства советских граждан культурно и психологически привлекательной фигурой.

В послевоенное время категория достойных подражания и почестей профессий расширилась. В нее вошли физики, причем прежде всего прикладники и экспериментаторы, первопроходцы целины, «не ждущие милостей от природы» агрономы-мичуриницы, геологи, нефтяники и иные разработчики полезных ископаемых, добывающие богатства недр для народа, проектировщики летательных аппаратов и, конечно же, космонавты. Вероятно, теоретическая физика смогла добиться в Советском Союзе исключительных успехов и признания не потому, что кого-то кроме физиков интересовали проблемы устройства вселенной, материального макро- и микромира, но потому, что кто-то очень хотел получить от них новейшее оружие — атомную и водородную бомбу — или нечто, еще более устрашающее. Иосиф Виссарионович, Никита Сергеевич и Леонид Ильич не слишком разбирались в физике, но возлагали большие надежды на физиков. И физики их не подвели, «оправдав доверие руководства страны и всего советского народа».

Социально-психологический тип гуманитария контрастировал с набором личностных качеств, поощряемых технократической культурой. Гуманитарий, как правило, «одиночка» — человек замкнутый, закрытый, занятый изучением неких внутренних проблем (иногда на собственном примере). Он вечно во всем сомневается. Его нерешительность способна доходить до болезненного «паралича воли». «Он, может быть, человек и неплохой, но какой-то непонятный, *не наши, не советский...*», тем более по своему характеру он склонен к «паразитированию», если и не институциональному (так как он, скорее всего, где-то работает), то уж по крайней мере к семейно-домашнему.

Яркие комедийные образы гуманитариев можно найти в советской литературе и кинематографе. Показательно, что средства сатиры оказывались самой мягкой и самой терпимой формой оценки стиля жизни таких людей. Упомянем здесь для иллюстрации имена двух хорошо известных персонажей. Первый (постреволюционный тип, НЭП) — Васисуалий Лоханкин, обитатель «Вороньей слободки» из «Золотого тельца» И. Ильфа и Е. Петрова. Второй (послевоенный тип, оттепель) — Лев Евгеньевич Хоботов, редактор и филолог-полиглот из кинофильма «Покровские ворота», снятого М. Козаковым по одноименной пьесе Л. Зорина. В этих образах гиперболически концентрируются заслуживающие иронии черты реальных представителей российско-советской гуманитарной интеллигенции. Оба являются инфантильными субъектами, «большими детьми», не способными самостоятельно решать житейские проблемы, но при этом весьма образованными. Хоботов знает множество языков, литературу всех стран и народов, его речь пестрит фрагментами из классических произведений, но он не может сварить себе

яйцо на завтрак. От обоих уходят жены, причем и в том, и в другом случае — к людям деловым и практическим: Варвара — к инженеру Птибурдукову, а Маргарита Павловна — к «мастерушему» и «рукастому» Савве Игнатьевичу, бывшему граверу (причем Хоботов остается жить «при ней»).

Недобрую службу сослужила имиджу советских общественных и гуманитарных наук их многолетняя идеологизация. Начиная со второй половины 50-х гг. коммунистические максимы постепенно утрачивали для населения страны актуальный смысл, переставая играть роль референтных истин. К «священному квадривиуму» вузовского марксизма-ленинизма, включавшему в себя историю ВКП(б) — КПСС, диалектический и исторический материализм, политическую экономию и научный коммунизм, многие студенты — особенно будущие инженеры и представители практических профессий — относились с выраженной неприязнью. Но сдавать экзамены приходилось, а преподаватели идеологических дисциплин внушали порой страх не меньший, чем ведущие курсы начертательной геометрии, сопротивления материалов или деталей машин (что, правда, обычно сочеталось с гораздо меньшим уважением в адрес первых). От гуманитариев, когнитивно заинтересованных в собственном предмете, так же, как и все, вынужденных нести подневольную ношу догм официального марксизма и, увы, обычно находившихся под его интеллектуальным влиянием, заметно отличались идеологические карьеристы — люди, способные к принятию любых удобных для них взглядов и преследующие в своей жизни отнюдь не высокие познавательные цели. Они, разумеется, умело мимикрировали под науку, но это едва ли кого-то могло ввести в заблуждение. При этом фон, создаваемый их литературно-пропагандистской деятельностью, отпечатывался темным пятном на образе всего обществоведческого и гуманитарного сообщества.

Идеологические дисциплины превращали советские социально-гуманитарные науки в суррогат, начисто отбивая охоту заниматься ими у многих потенциально расположенных к их изучению людей. Правда, некоторым отраслям знания о человеке и обществе в силу их предметной специфики все же удавалось сохранять известную дистанцию по отношению к идеологическому дискурсу: в таком сравнительно благоприятном положении находились, например, лингвистика и языкознание, особенно классическое, некоторые исторические субдисциплины, исследующие досовременные культуры и неевропейские регионы мира (востоковедение и др.), фольклористика, отчасти этнография, некоторые разделы психологии, мало понятные авторитетным инстанциям междисциплинарные области и методические приложения ряда наук. Между царствами сциентизма — технократизма и идеологических эрзац-дисциплин образовывалась огромная пропасть, при этом как бы незаметная для человека. Содержание советского школьного образования, задававшего стандартизированные направления профориентации молодежи, распалось на два цикла: первый — доминирующий и сильно дифференцированный — естественнонаучный; второй — *как бы* классически-гуманитарный, состоящий из литературно-языкового и исторического компонентов. При этом гуманитарное знание представало в сознании учащихся сугубо описательным. О существовании теоретического, т.е. собственно научного его компонента, они, как правило, даже не догадывались. И, спрашивается, откуда они должны были знать, что есть

на свете различные концепции и подходы (кроме «всесильного и верного» учения), интерпретирующие психические, социальные, политические, экономические, демографические, коммуникативные, языковые, духовные, культурные, исторические, религиозные, познавательные, эстетические и т.п. процессы и феномены? Отдававшее суловщиной обществоведение и вызывавшая лишь насмешки фарисейская этика и психология семейной жизни лишь усугубляли ощущение пустоты, отталкивая школьников от выбора гуманитарной профессии.

Вхождение в постсоветскую эпоху ознаменовалось поверхностным гуманитарным «квазиренессансом». Идеологический контроль более не осуществлялся, репрессированные в прошлом науки были полностью реабилитированы, открывались кафедры и факультеты, учреждались журналы, делались переводы, издавалась и переиздавалась вновь обретенная классика, писались учебники и т.д. Но отношение общества к фигуре гуманитария принципиальным образом не поменялось.

Гуманитарии по-прежнему живут в окружении прагматиков и технократов. Представители бизнеса, менеджеры, практики хозяйственных отношений такие же, в сущности, носители инструментально-рациональной мироориентации, как и инженеры советского образца. К этому прибавляется еще и объяснимое усиление постдефицитной массовой установки на потребление, предпочитающей ценностям познания и поиска комфорт и уют, обладание, владение, удовольствие. В то же время в мире состоятельных людей частично возрождается спрос на гуманитариев как «декоративных собачек».

Здесь примечателен гендерный аспект, уходящий своими корнями еще в XIX век. «Серьезный» человек, пускай даже «вполне культурный», не может себе позволить заниматься такими «несерьезными» вещами, как гуманитарные науки: он должен зарабатывать деньги, считать, организовывать, управлять, строить, проектировать. Ведь это, так сказать, «мужские» виды деятельности. А вот жена — пожалуйста! Пусть читает заумные книжки, играет на пианино, водит детишек в музеи и т.д. В советское время такая вариация на тему описанного Т. Парсонсом разделения «инструментальных» и «экспрессивных» ролей обнаруживалась в типовых брачных союзах: он — инженер, военный, ответработник, начальник, она — учительница литературы, музыки или иностранного, руководитель изостудии или драмкружка, рядовой научный сотрудник. Материнское наставление дочери могло звучать приблизительно так: «Учись, девочка, хорошо, тогда и муж будет хороший...» Сейчас, как и прежде, кадры, удовлетворяющие данный запрос, куют «факультеты невест». Однако предложение теперь, кажется, превышает удовлетворяемую им социальную потребность: к «барышням с филологического» присоединяются ныне девушки, получившие искусствоведческое, культурологическое, психологическое, социологическое, философское образование.

Мужественно-авторитарный технократ вырабатывает для себя субъективное обоснование своего превосходства над гуманитарием, тем более если в роли последнего выступает женщина. Ну а мужчина-гуманитарий предстает под таким углом зрения как «не настоящий мужик». Технократ как «хозяин вещей, людей и обстоятельств» обычно уверен в своей значимости: ведь это без него жизнь в об-

ществе остановится: не будут ходить поезда, строиться дома, выдаваться ссуды в банке. А от гуманитария какая польза — болтовня одна, да и только?! (5). Типичный технократ относится к гуманитарному знанию, как к знанию «недоделанному», неполноценному, а гуманитарные профессии считает «карьерно ущербными». Попавшемуся ему под руку гуманитарию он постоянно задает один и тот же вопрос: «Ну вот ты скажи мне, чем ты *конкретно* занимаешься и кому все это нужно?» А ответить на него и вправду бывает мудрёно, особенно если ответ не сильно интересует того, кто его задает. Одна моя знакомая посочувствовала мне перед лекцией по социологии, которую я должен был прочесть перед будущими агрономами, ветеринарами и зоотехниками: «Тебе, — сказала она, — наверное, трудно будет объяснить этим людям, как преподносимые тобой знания помогут повысить урожайность их полей и удои их коров...»

Носитель технократического миропонимания может демонстрировать различные модели отношения к фигуре гуманитария — от нескрываемого презрения и высокомерия до расположения и благожелательности, как правило, сочетающихся со снисходительностью и попечительски-покровительственной позицией. Гуманитарий может определяться как неудачник, но и также как чудак, не от мира сего, странный парень, диковинный персонаж, интересная личность. Однако в некоторых случаях здесь проявляется чувство «ресентимента» [4] — самообмана и слабости, оправдывающих собственный выбор и осуждающих чужой, переживаемый при этом как тайно вожделенный и привлекательный. Скрытая зависть к чужим достоинствам и неспособность измениться самому побуждают субъекта ресентимента выставлять данные достоинства в качестве недостатков. Правда, в ситуации развертывания отношений технаря и гуманитария ресентимент может определять внутренние психологически и ценностно окрашенные аргументации как первого, так и второго, причем упреки в неискренности, высвечивающие ресентиментные мотивы оппонента, также являются взаимными. Прагматик-технократ имеет некоторую долю основания считать гуманитария неудачником, стремящимся завуалировать свою неспособность реализоваться в практических областях красивыми фразами о возвышенно-духовном характере избранного им пути. Гуманитарий, в свою очередь, может усматривать в высокомерном отношении к нему прагматика-технократа тайную зависть и культурный конформизм, прикрывающиеся типовыми апелляциями к здравому смыслу, прозе жизни, требованиям дня и т.п. И оба они будут правы лишь отчасти.

...Чтоб не пропасть поодиночке

Как сегодняшние российские гуманитарии адаптируются к социальному и культурному контексту, в котором протекает их профессиональная жизнь? Распад системы официального советского обществоведения привел к «параду суверенитетов» социально-гуманитарных наук. Самостоятельности потребовали и новообразованные в условиях интеллектуального хаоса области и мультидисциплинарные комплексы, о которых до этого никто ничего не слыхивал. В известной части профессионального сообщества возобладали настроения своего рода сектантства и сепаратизма. Фрагментаризация интеллектуального пространства со-

циально-гуманитарных наук была отчасти продиктована нуждами специализации, но не только ими. Началась борьба за малые (доступные нашему брату гуманитарии) ресурсы: нужно было срочно утверждать свой статус в очень зыбкой среде, для чего требовалось открывать или переименовывать кафедры, факультеты, направления подготовки студентов, диссертационные советы, убеждать в целесообразности таких мер академическое и вузовское начальство. Иногда для этого даже приходилось придумывать «новые науки» и направления исследований. Дисциплины, теснейшим образом связанные между собой (в предметном, методологическом и историческом аспектах) поспешили уединиться. Философы читают одни книги и журналы, социологи — другие, психологи — третьи, политологи — четвертые, экономисты — пятые. Многие говорят и пишут о близких темах, но не догадываются об этом. Само гуманитарное знание от такого изоляционизма, разумеется, только страдает.

Государство, вполне технократическое по части своих методов и приемов, гуманитарно-социальные науки «не трогает» и одновременно просто пытается «не замечать», ведь от них в ближайшей перспективе «нет ни опасности, ни проку». Само по себе подобное отношение (памятуя о советских временах) можно было бы считать благом. Наука притягивает меньшее количество карьеристов, поскольку по понятиям карьериста здесь слишком плохо кормят. Наука становится относительно свободна, но оборотной стороной этого оказывается и свобода «положить зубы на полку». Гуманитарно-социальные науки в силу своей профессиональной компетенции пытаются что-то говорить об обществе, государстве, других институтах и субъектах, но заинтересованность в их изысканиях, как правило, не обнаруживается. Экспертное знание остается наедине с самим собой — без клиента, средств, статуса и престижа. В этом смысле удивительными кажутся сетования министра образования и науки, что сегодня в России по профилю гуманитарных дисциплин проводится всего 3% исследований, а диссертаций защищается 50% [2]. Снижение качества научной работы идет параллельно с утратой интереса материально независимых и платежеспособных социальных субъектов к ее результатам. Ведь «декоративных собачек» тоже надо хотя бы немного кормить...

Перспективы формирования новых, эвристически значимых направлений и концептуальных подходов в отечественном социогуманитарном знании ограничиваются и рядом внутринаучных обстоятельств. Чрезвычайно длительный период верности чудесным образом «интеллектуально забальзамированной» теоретико-методологической доктрине, созданной в середине позапрошлого столетия и — при всем уважении к ней — устаревшей (именно в случае монологического ее прочтения) уже более века назад, не прошел даром. Отставание в некоторых областях сегодня выглядит чудовищным. XX век, как и частично век XIX, в истории социально-гуманитарных наук за исключением некоторых фрагментов «прошли мимо нас» (если не считать узкой группы историков мысли, которые все это знали, но вынуждены были молчать). Поэтому многие российские гуманитарии сегодня бросились читать, наверстывая упущенное. Но это нельзя сделать в спешном порядке, нахрапом, иначе может случиться мыслительный «заворот кишок».

Вебер и Зиммель, Дюркгейм и Мосс, Фрейд и Юнг, Гуссерль и Хайдеггер, Витгенштейн и Поппер, Уайтхед и Рассел, Сартр и Фуко, Ортега-и-Гассет и Унамуно, Хёйзинга и Бродель, Мизес и Хайек, Кейнс и Шумпетер, Малиновский и Леви-Стросс, Парсонс и Мертон, Бурдьё и Луман... быстро не читаются. Также не читаются в скором режиме Хомяков и В. Соловьев, Кареев и Ковалевский, Струве и Туган-Барановский, Новгородцев и Кистяковский... Понятно, что гармонично встроиться в контекст мировой научной дискуссии для традиции, выпадавшей из нее на долгое время, тоже оказывается не слишком просто.

В свете сказанного задачами профессионального цеха российских гуманитариев и обществоведов становятся, на наш взгляд: освоение и популяризация лучших достижений «классики» наших наук, отечественной и зарубежной, относящейся как к ближайшему, так и отдаленному прошлому, консолидация и солидаризация во имя общего дела, преодоление ограничивающей когнитивные возможности интеллектуальной раздробленности, открытие мульти- и междисциплинарных исследовательских контекстов, «пропаганда» гуманитарных знаний среди людей, не поглощенных всецело культурным механизмом инструментально-рациональной цивилизации. Гуманитарии одной страны, ради того, чтоб не пропасть поодиночке в железобетонных технократических джунглях, объединитесь вы, наконец?!

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Слово, имеющее на Западе нейтральную окраску (гуманистический как «относящийся к человеку»). Иначе говоря, смысловые наполнения понятий «гуманитарный» и «гуманистический» в русском и основных европейских языках как бы меняются местами.
- (2) Интересно, что в Средневековье, до новоевропейской революции в естествознании, разделение наук на «точные» и «неточные» не заострялось. К «свободным искусствам» (*artes liberales*) относились, наряду с грамматикой, риторикой и диалектикой, также арифметика, геометрия и астрономия. В ту пору гораздо более важная граница пролегла между перечисленными «светскими» областями знания, с одной стороны, и «истинами веры», — с другой.
- (3) Данное качество именуется на сленге людей «с инженерным складом мышления» тонким образным словом «соображаловка».
- (4) Эстетические образцы этих типов живут своей жизнью в вестибюлях многих станций московского метро.
- (5) Поэтому в качестве собирательного наименования социально-гуманитарных дисциплин представители естественнонаучных и технических специальностей нередко используют слово «болтология».

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Вебер М.* Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. — М.: Прогресс, 1990.
- [2] *Мельникова И.* Оседлать волну (интервью с А.А. Фурсенко) // Итоги. — 2007. — № 49 (599) // http://www.itogi.ru/Paper2007.nsf/Article/Itogi_2007_12_02_01_4917.html.
- [3] Негуманитарная эпоха: Беседа с А. Ивановым // Мыслящая Россия. Картография современных интеллектуальных направлений / Под ред. В. Куренного. — М.: Наследие Евразии, 2006.
- [4] *Шелер М.* Ресентимент в структуре моралей. — СПб.: Наука; Университетская книга, 1999.

**THE HUMANITIES SCHOLARS
IN THE «NON-HUMANITARIAN» WORLD
(the status of social sciences and humanities
in contemporary Russia)**

D.G. Podvoiski

Sociology Chair
Social Sciences and Humanities Department
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklai str., 10a, Moscow, Russia, 117198

The axis of the publication is the endeavor involving the description of the situation pertaining to the status of social sciences and humanities in the contemporary Russian society. The author challenges the reader to the examination of the issue of the attitude to the bearers of «humanities scholarship» within the public consciousness of various epochs, the status of humanities scholars in the specific social and historical contexts enduring persistent transformations. The reasons for the opposition between the cultural pattern «pertaining specifically to the humanities» and the «instrumental and technocratic» one giving rise to (legitimizing) contrasting modes of world outlook and social practice strategies are highlighted.

Key words: social sciences and humanities; the social basis of science in traditional and contemporary societies; the image of natural sciences and humanities in the public consciousness; technocracy and its system of values; the history of Soviet everyday life; social science ideologizing; social and pertaining to humanities component in the structure of secondary education; relationships between science and state; resentment; gender dimension of the «humanities scholar — technocrat» opposition; the prospects for the development of Russian social sciences and humanities in the aftermath of the perestroika; disciplinary separatism; humanitarian «quasi-Renaissance»; backwardness overcoming and overtaking development; the development of the true national cultural tradition; consolidation of brain-power.